

Н. Н. РУСОВ

Флоренский против Коперника

В московских ученых кругах большую сенсацию производит новая книга П. Флоренского «Мнимости в геометрии. Расширение области двумерных образов геометрии (Опыт нового истолкования мнимостей)»...

Основная часть настоящей работы написана Флоренским еще в бытность студентом и тогда же сообщена проф. Л. К. Лахтину и Н. Н. Лузину, товарищу автора, ныне также известному математику и профессору. 10 октября 1921 года эта работа, заново пройденная, была доложена на очередном заседании Всероссийской ассоциации инженеров в Москве. Летом 1922 года для печати Флоренский добавил к своему докладу отныне знаменитый параграф девятый — несколько чреватых и многосмысленных страничек...

Всякий, знакомый с сочинениями Флоренского, должен признаться, что наш молодой философ, едва имеющий за собою полтора десятка лет литературной деятельности, один из сильнейших и самобытных умов нашего века. Замечательно многообразие и упорство его духовных подвигов. В книге приложен список печатных трудов П. А. Флоренского в количестве 50 названий. Начинается этот список знаменитой религиозно-философской поэмой «Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах» (М., 1914).

Эта книга — точно краеугольный камень, на котором Флоренский воздвигает следующее свое мыслительное творчество в строго традиционном духе, на почве тысячелетнего восточного христианства, но пронизанное всеми достижениями современной науки и философской теории. Флоренский консервативен, но и вполне сын нашего времени, который дышит и питается его атмосферой, заряжается ее электричеством. Но самое главное, что богословие Флоренского есть лирика, истекающая из его сердца, богатого опытом, исканиями и сомнениями, израненного жертвами. Философия Флоренского есть его исповедь, исключитель-

но интересная по глубине и значительности признаний и путей исповедника...

Флоренский совмещает в себе ученого-математика, который пролагает себе дорогу, и творца-философа, который математику поддерживает метафизикой и отцами Церкви. В этом отношении, как религиозный мыслитель, Флоренский становится в ряд как единокровный брат с такими именами, как Блез Паскаль, великий математик и автор *Pensées*, как Исаак Ньютон¹ и как наш современник Георг Кантор, по которому «математическая», абсолютная, самодовлеющая актуальная бесконечность есть Бог. <...>

Сверх всего, Флоренский с 1911 по 1917 год редактировал журнал «Богословский вестник», изд. Моск<овской> Дух<овной> академии... В 1921 году читал курс по «Энциклопедии математики»...

Поэт, механик, и филолог,
Врач, живописец, и теолог,
Общины русской публицист,
Ты мудр как змей, как голубь чист, —

писал про Хомякова друг его Д. Н. Свербеев². И, на самом деле, многосторонность Хомякова была изумительной и даже глубокой, пронизательной, но все-таки барской, дилетантской, так сказать нараспашку. Флоренский не стыдился каплей трудового пота на своем умном челе. Он не забывает мелочей, деталей, экскурсов, и каждую подробность отделяет тщательно. Его библиографические изыскания вполне добросовестны, без упущения какой-нибудь журнальной статьи или заметки и т. д. Но одно можно повторить про Флоренского, что и про Хомякова: ты мудр как змей, как голубь чист... Когда я вижу стремительно бегущего по шумной московской улице Павла Александровича, по тротуару, юркого среди людской тесноты, в неизменной поповской скуфейке, запахнувшись в рясу, и с пачкой книжек, я успеваю уловить только его длинный нос, рассыпанные кудри и мимолетный взгляд отсутствующих детских глаз в стыдливой улыбке. Я посмотрю ему вслед и подумаю: «Да будет благоприятна твоя жизнь, насыщенная трудом и мыслью...»

Первые восемь параграфов книги Флоренского «Мнимости в геометрии» представляют много интересного и важного для специалистов как новая интерпретация мнимостей, которая заключается в открытии оборотной стороны плоскости и в приурочивании к этой стороне — области мнимых чисел, и как обобщение предлагаемого истолкования мнимостей с плоскости — на всякие поверхности. Изложение сопровождается формулами и чертежами...³

Но заключительный, девятый, параграф выходит за пределы специальности и относится к темам значения мирового. Я позволю себе привести его почти целиком, не решаясь пересказывать своими словами. И пусть сохранится неприкосновенным чеканный, угловатый стиль самого автора. <...>

Далее у Флоренского следует не менее замечательное и смелое рассуждение о границах земных движений и земных явлений от области небесных движений и небесных явлений⁴. Но мы здесь остановимся...

Скромный польский каноник, обдумывавший свое сочинение «Le revolutionibus» в тиши монастырской келии⁵, в богобоязненном настроении, почти через пятьсот лет получил удар от такого же тихого, уединенного и богобоязненного человека, который у себя в Сергиевском Посаде, в скромном домике, в заставленном книгами тесном кабинете, переворачивает миры, сидя за своим письменным столом в поповской скуфейке...

Говорят, что Лев Толстой в 80-х годах намеревался писать сочинение против Коперника, но его отговорили друзья. Оказывается, Лев Толстой не совсем бы промахнулся... Прочитавши и обдумавши этот § 9 новой книги Флоренского, я точно тяжелый груз свалил с плеч. Земля, как ничтожная пылинка, затерявшаяся в безмерном, холодном и безжизненном пространстве, в котором плавают потухшие или пылающие гиганты — звезды, без конца и края; земля, точно паршивый и еле заметный комок высохшей грязи среди целого океана величавых и царственных светил; эта обиженная Богом Земля-планета, незначительный спутник Солнца, далеко не из первых, каким-то непонятным чудом вобрала в своего сына — человека всю мощь фантазии, мысли, творчества, который созерцает и познает эту безграничную Вселенную и даже полагает ей законы. Не Солнце познает нас, не блистательная Вега, а мы, сыны земли, наводим на них телескопы. Птолемей и Коперник, какая-то земная персть, пробежали умом Вселенную и оказались как бы ее царями...

Алексей Николаевич Толстой в своем необузданном, но сочном и полнокровном воображении представит нам человекоподобную жизнь на Марсе, но это будет все-таки увлекательный роман. Ни духа, ни жизни нигде нету, кроме нашей земли. И вот это несоответствие астрономического положения нашей планеты, захолустной и бедной, с ее духовной центральностью как единственной в мире носительницы духа и жизни, всегда поражало и тяготило меня. Но если прав Птолемей и с ним наш Флоренский, эта антиномия падает вместе с системой Коперника и смысл жизни становится яснее...

